RUSSIAN COMMUNITIES IN THE INTEGRATION MECHANISMS OF THE CASPIAN REGION

Alexander I. Bedaev

Astrakhan State University, Russia, Astrakhan
E-mail: bedaevalex@yandex.ru

Elena A. Mikhailova

Astrakhan State University, Russia, Astrakhan
E-mail: elmikh@mail.ru

Valentina L. Tikhonova

Astrakhan State University, Russia, Astrakhan
E-mail: opera-15@mail.ru

ABSTRACT

Migration processes that increase in the modern world lead to the growth of extremism manifestations in society and cause tensions in different regions of the planet. Education systems face the problems of both the integration of migrants into educational process and their broader adaptation to the socio-cultural realities of the host society. The successful resolution of these problems affects economic growth and directly connects to socio-political stability in society.

Education is not only one of the main tools for the integration of migrants. It is through education that intercultural competence, skills of intercultural dialogue and tolerance toward representatives of other ethnicities and religions take shape in order to prevent interethnic and interreligious conflicts. This is the responsibility of education policy makers, but also of teachers and local administrators of educational organizations.

States in all parts of the world, including Russia, are to solve the problems of education and adaptation of children from migrant families. This article analyzes the possibilities of their solution in the context of national security as well as in connection with the challenges that the world education system is experiencing due to the pandemic.

KEYWORDS

international migration; migrant; migration processes; education; cultural exclusion; linguistic and sociocultural adaptation; intercultural interaction; integration by means of education; national security; pandemic.

РУССКИЕ ОБЩИНЫ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМАХ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Бедаев Александр Иванович

Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: bedaevalex@yandex.ru

Михайлова Елена Александровна

Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: elmikh@mail.ru

Тихонова Валентина Львовна

Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: opera-15@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье на основе диаспорального подхода рассматривается актуальная для исследования устойчивых интеграционных связей в Каспийском регионе проблема роли русских (русскоязычных) общин как инструмента «мягкой силы» российского государства.

Российская культурная политика в странах Каспийского региона реализуется через посредство целого ряда государственных и общественных организаций. В статье рассматривается деятельность российского МИДа и Министерства культуры РФ, а также общественного объединения Фонда «Русский мир». Интеграционная концепция «Русский мир» может рассматриваться как государственная программа российской культурной политики за рубежом. Теоретическая обоснованность данной программы вызывает большое количество вопросов, единого определения понятия «Русский мир» не существует. Согласно высказываниям российских политических деятелей, под «русским миром» следует понимать систему элементов цивилизационной общности, объединяющейся вокруг России как исторического и культурного центра.

Сохранение статуса и распространение русского языка в государствах стран Прикаспия декларируется как важнейшая задача культурной политики России в регионе. Анализ нормативных и правовых документов показывает, что приоритетным в работе с соотечественниками, постоянно проживающими за границей, является взаимодействие с общинами дальнего зарубежья. Русским общинам стран Каспийского региона уделяется сравнительно меньшее внимание. Одновременно российским руководством проводится курс на репатриацию представителей русскоязычных общин в Россию, что объективно выступает фактором сокращения носителей русского языка и русской культуры.

Таким образом, декларируемые усилия по наращиванию «мягкой силы» России в Каспийском регионе вступают в противоречие с реализуемой государством программой возвращения соотечественников на Родину.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Каспийский регион; этничность; диаспора; соотечественники; русскоязычные общины; культурная политика; «Русский мир»; интеграция; репатриация; «мягкая сила»; статус русского языка.

ВВЕДЕНИЕ

В современных международных отношениях фактором внешнеполитических процессов выступают различные социальные группы, в том числе этнические, которые при определенном характере структурирования и связях со страной происхождения могут рассматриваться как диаспоры.

Многочисленность русской диаспоры в мире и характер включения представителей русских общин в общественное разделение труда и социальную структуру соответствующих обществ дает возможность определять ее в качестве влиятельного ресурса внешней политики российского государства.

В условиях разнонаправленных сложных процессов международной интеграции в Каспийском регионе русская культура и язык как основа формирования и сохранения диаспорального сообщества приобретают особое значение фактора «мягкой силы» Российской Федерации. Отметим, что вместо термина «русская диаспора» в российском общественно-политическом дискурсе используется термин «соотечественники за рубежом».

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ культурной политики в отношении русских общин основан на диаспоральном подходе, понимание логики формирования русской общины базируется на принципах конструктивистского подхода исследования этнических групп.

В исследовании применяется метод политико-правового анализа нормативных актов, регулирующих взаимодействие российского государства и общин соотечественников за рубежом, проводится сравнительный анализ данных государственной статистики по миграционным и демографическим процессам.

Русские (русскоязычные) общины рассматриваются как часть русского метаэтноса. Конструктивистско-инструменталистский подход этничности трактует этнос как социальный конструкт, возникающий в результате отнесения людьми себя к культурному воображаемому сообществу на основе социального воображения (Андерсон, 2001, с. 13). Общим фактором такого отнесения, то есть основанием нации, выступает прошлое (Хобсбаум, 1998).

Исследование русских общин проводится в рамках диаспорального подхода, в котором под диаспорой понимается часть этноса, постоянно живущая за пределами региона происхождения. Р. Брубейкер рассматривает диаспору как результат распада и трансформации полиэтнического государства. Возникающие в результате центробежных тенденций новые национальные государства помимо титульного этноса включают другие этнические группы. Такой сценарий возникновения суверенных государств определяет формирование «диаспор катаклизма», которые представляют собой результат травмы из-за катастрофически быстрых, «обвальных» трансформаций (Brubaker, 2000). Именно так были образованы общины в Каспийских государствах (Казахстан, Азербайджан, Туркменистан).

Диаспоральный подход предполагает формирование транснациональной общности, части которой находятся вне территории государства формирования этноса. Соответственно, диаспоры сохраняют этническую либо этноконфессиональную идентичность и сплоченность через создание трансграничных институций социальных сетей (Брубейкер, 2000, с. 8-13).

Среди различных типов диаспор особый интерес представляют «этнонациональные диаспоры», которые опираются на поддержку государства происхождения (Шеффер, 2003, с. 177).

Таким образом, структурирование диаспоральной общины происходит на основе соединения демографического и этнокультурного потенциала этнической группы с опорой на инфраструктуру интеграционных проектов государства происхождения.

В качестве культурной интеграционной основы рассматривается проект «Русский мир», который в научной литературе исследуется в рамках социокультурного, религиозного, геополитического подходов.

В социокультурном подходе с позиций социогуманитарных наук акцентируется внимание на цивилизационных признаках и культурных составляющих (язык, традиции, обычаи, культурная память и пр.), общностей людей, проживающих в разных регионах земного шара. Источником и хранителем их культурных составляющих является Россия (Межув, 2001; Парамонова, 2015; Федотова, 2001; Иванова, Сергеева, 2012; Коваленко, 2015).

Ряд авторов (Родионов, 2015; Семенова, 2013) рассматривают православную религию и Русскую православную церковь в качестве основного интеграционного признака.

В соответствии с геополитическим подходом «Русский мир» – это русскоязычные диаспоры дальнего зарубежья независимо от срока и причины проживания вне границ РФ, религиозной принадлежности, гражданственности, национальности (Тишков, 2007; Щедровицкий, 2000).

В данной статье исследование положения русских общин в Каспийском регионе и эффективность культурных интеграционных программ опирается на синтез социокультурного и геополитического подходов.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКИХ ОБЩИН В СТРАНАХ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Формирование русских общин в Каспийском регионе стало результатом распада СССР, когда за границами Российской Федерации оказалось более 25 миллионов этнических русских (Вдовин, 2004, с. 102).

В Каспийский регион кроме Российской Федерации включают Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркменистан.

Начало формирования русской общины в Азербайджане относится к середине XIX в. Первая волна миграции русских была связана с вытеснением на окраины Российской Империи представителей религиозных сект, при переезде получавших

участки свободных государственных земель в Закавказье. Вторая волна была обусловлена промышленным развитием бакинского региона, нефтедобычей и быстрой урбанизацией. Численность русских в Баку за период между переписями населения 1897-1913 гг. удвоилась с 38,98 тыс. до 76,2 тыс. человек. Русские составляли значительную часть (до трети) рабочих на нефтепромыслах и доминировали в административных структурах (Баберовски, 2004, с. 323).

В советский период, по данным переписи 1939 года, русских было 528 318 человек, они составляли до 37% городского населения (Всесоюзная перепись населения 1939 года. Азербайджанская СССР).

Темпы урбанизации русского населения были сравнительно более высокими, русские проживали в основном в бакинской агломерации. После 1991 года на миграцию российского населения из Азербайджана повлияли экономические проблемы, политическая нестабильность и сокращение сферы применения русского языка ввиду становления национального государства. По итогам переписи населения Азербайджанской Республики за 1999 г., русских было 134,7 тыс. чел., в 2009 г. – 115 тыс. чел. В Бакинской агломерации проживают 96,1% русских, что отражается на более высоком уровне образования представителей русской общины (Бадалов, 2019, с. 219).

Русская община в Азербайджане является одной из самых крупных и устойчивых в Каспийском регионе. Это можно объяснить благоприятными социально-экономическими условиями развития Азербайджана в последние годы, относительной открытостью азербайджанского общества, исторически многонациональным характером бакинской агломерации и поликультурным характером городской среды, включая образовательное пространство (Гаджиев, 2017, с. 235-255).

В Исламской Республике Иран находится самая немногочисленная русская община в Каспийском регионе – около 2 тыс. человек. Основу русской общине положила послереволюционная миграция. Представители русской общины продолжают играть важную роль в культурном и экономическом развитии Ирана, однако они почти не включены в интеграционные связи с исторической родиной (Рафанди-Фаи, 2014, с. 121-129).

В Казахстане русские преимущественно расселены на севере и востоке страны. Русское население исторически формировалось из уральских, сибирских, семиреченских казаков. В советское время волны миграция населения на территорию современного Казахстана были связаны с развитием промышленности, освоением целинных и залежных земель. Русскоязычная община Казахстана сформировалась как преимущественно городская, что обусловило более низкую рождаемость и постепенное старение общины. К моменту распада СССР в Казахстане проживало около 6 млн русских. По данным переписей, доля русского населения неуклонно снижается (1959 г. – 42,7%, 1970 г. – 42,4%, 1979 г. – 40,8%, 1989 г. – 37,8%, 1999 г. – 29,96%, 2009 г. – 23,7%) (Алексеенко, Аубакирова, Жанбосинова, 2019, с. 1368-1358).

В Туркменистане русская община является одной из самых малочисленных на пространстве бывшего СССР. По данным советских переписей населения, у русской общины наблюдаются незначительные изменения доли в составе населения республики (с 1959 г. – 17,3%, до 1979 г. – 19,6%) (Всесоюзная перепись населения 1939 года. Туркменская ССР).

Накануне распада СССР русская община начинает сокращаться из-за миграции (до 9,5% в 1989 г.) и продолжает в период становления суверенного государства. В 1995 г. русские составляли 6,7%, в 2010 г. – не более 3,2% (Уставщикова, 2019, с. 262-264).

Высокий уровень урбанизации русской общины обусловил старение ее демографической структуры. Положение русской общины в последние десятилетия ухудшилось из-за двух групп факторов. Во-первых, из-за несовпадения современного характера социального капитала представителей русской общины и социокультурных и социально-политических особенностей туркменского общества, сохранившего в советский период и реконструировавшего в последние годы традиционные клановые структуры, племенные землячества и трайбализм (Дмитриева, 2019, 49-56). Во-вторых, из-за автаркичности и авторитарности туркменского государства, которое в последние годы, решая проблемы национальной идентичности (Васильева, 2018, с. 205), проводит политику туркменизации.

Все русские (русскоязычные) общины прикаспийских государств к распаду СССР были высоко урбанизированы, их представители были заняты преимущественно в высококвалифицированных и высокотехнологичных сферах. Образование национальных государства с титульной нацией, политика коренизации, социально-экономические трансформации, сопровождающиеся деградацией социально-экономической сферы вследствие распада общесоюзных экономических связей, привели к ухудшению положения русских общин. Это определило высокую динамику миграции в Казахстане и Туркменистане, менее выраженную в Азербайджане.

Распад единого социокультурного пространства СССР в целом ухудшил условия жизни русских общин, в первую очередь сократил возможности удовлетворения их информационных и культурных потребностей. Построение национального государства привело к вытеснению части представителей русской общины из власти и управления, к снижению их социально-экономического и политического статуса. Степень этих изменений определялась характеристиками самих общин, а также политикой России по поддержке соотечественников за рубежом в рамках реализации общей интеграционной модели.

ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РУССКИХ ОБЩИН ЗА РУБЕЖОМ

Русскоязычные общины рассматриваются как части общего интеграционного проекта «Русского мира» – цивилизационной общности, объединяющей их вокруг России как исторического и культурного центра.

Понятие «Русский мир» введено в научный оборот и в сферу профессиональной политики П. Щедровицким, который определил «Русский мир» шире этнических границ, как сетевую структуру «сообществ, думающих и говорящих на русском языке» (Щедровицкий, 2000).

Задача такого определения состояла в выработке геоэкономической стратегии ядра Русского мира России. Согласно этой стратегии, русскоязычные диаспоры призваны укрепить положение России в глобальной экономике и мировой политике.

Таким образом, деятельность диаспоральных групп является важным ресурсом во внешней политике российского государства (Ализаде, 2019, с. 181-184), поскольку потенциал диаспор может быть задействован в обеспечении национальных интересов государства.

На Первом Всемирном Конгрессе зарубежных соотечественников в 2001 г. идея интеграции и консолидации Русского мира была определена как важный компонент государственной политики РФ. Однако на сегодняшний день концепция Русского мира не имеет четкой формулировки и единого системного обоснования.

Научные дефиниции Русского мира могут представать в качестве социокультурного, политико-прикладного, религиозного и собственно диаспорального подходов.

Социокультурный подход сопряжен с пониманием Русского мира как общности людей с единым культурным кодом или культурными ценностями, традициями, обычаями, языком, исторической памятью и т.д. (работы М. Межуева (Межуев, 2001, с. 9-49), С.П. Парамоновой, (Парамонова, 2015), В.Г. Федотовой (Федотова В.Г., 2001). Подобные определения зачастую эмоционально окрашены и метафоричны.

Существует немало определений Русского мира, основным интеграционным качеством которого выступает православная религия (Коваленко, 2015, с. 122-126; Родионов, 2015, с. 12-29; Семенова, 2013, с. 216).

Полагаем, что данный подход является весьма неточным и одномерным, так как понятие «русскости» не может сводиться только к исповедованию православия. Русский мир полиэтничен, поликультурен и поликонфессионален, что усложняет формулирование универсальной дефиниции и концепта данного феномена.

Понимание Русского мира как комплексной программы задействования культурного кода русской «матрицы», «инструмента», «проекта» можно отнести к политико-прикладной типологии (Иванов, Сергеев, 2008).

В соответствии с диаспоральным подходом Русский мир включает в себя постсоветское пространство и русские диаспоры дальнего зарубежья, вне зависимости от времени и оснований проживания за рубежом, рода занятий, этнической, религиозной или гражданской принадлежности (Тишков, 2007, с. 5-15).

Главными признаками Русского мира являются русский язык, традиции, ценности и историческая память, способствующие созданию единого культурного пространства, которое можно актуализировать не только в идеологическом, но и в экономическом и политическом аспектах.

В современном политическом дискурсе понятие «русская диаспора» почти не используется. Термин «соотечественники» был закреплен в Декларации «О поддержке российской диаспоры и о покровительстве российских соотечественников», утвержденной постановлением Государственной Думы РФ от 8 декабря 1995 г. № 1476 (Декларация «О поддержке российской диаспоры», 1995). В качестве «соотечественников» рассматриваются все бывшие граждане СССР, их потомки, заявившие о культурно-этнической или духовной связи с РФ. Четких критериев для самоидентификации в качестве «соотечественника» документ не содержал.

Более точная формулировка термина «соотечественники» появилась в Федеральном законе «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» от 1999 г.: «это граждане Российской Федерации, проживающие за рубежом; лица, состоявшие в гражданстве СССР; выходцы из страны (эмигранты); потомки соотечественников» (О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом, 1999). Целью государственной политики по отношению к соотечественникам называется «оказание им разносторонней государственной помощи и поддержки, включая … право на возвращение в Россию» (Ст. 5, п. 2).

В Редакции ФЗ «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» от 23 мая 2010 г. критерием принадлежности к соотечественникам выступает личный и произвольный выбор «духовной и культурной связи с РФ» (Герасимова, 2019, с. 915).

Концепция Русского мира используется в российском политическом дискурсе и практике как основной интеграционный проект без опоры на строгую концептуальную основу.

Государственная программа «Русский мир» нацелена на сохранение русской культуры и русского языка в странах с русскими общинами, к числу которых относятся и страны Прикаспия.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ОБЩИНЫ ЗА РУБЕЖОМ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Анализ государственных программ по культурной политике в отношении соотечественников, постоянно проживающих за границей, показал их сориентированность на обобщенные, малодифференцированные по странам направления работы. Годовые обзоры МИД позволяют выделить в области культурной политики следующие направления: сохранение и распространение русского языка в мире, в том числе в странах Каспийского региона, основание новых и развитие уже имеющихся российских научных и культурных центров за границей, противодействие русофобской и ксенофобской практике, а также фальсификации истории (в том числе в отношении событий Великой Отечественной войны), организация взаимодействия между КСОРСами (координационные советы организаций российских соотечественников) на мировом и региональном уровнях и

содействие добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию.

В государственных планах, нацеленных на работу с соотечественниками, отчетных документах МИД РФ и Министерства культуры РФ в области культурной политики часто отсутствует конкретизация по странам, в том числе по странам Каспийского региона, статистические данные как основа планирования практически отсутствуют (Программа работы с соотечественниками; Комплексный план основных мероприятий, 2018).

Сообщения новостных лент не дают целостной картины о динамике и эффективности проводимых культурных мероприятий в работе с соотечественниками, постоянно проживающими за рубежом. Годовые отчёты Министерства культуры РФ содержат цифровые данные о проводимых мероприятиях за границей, но конкретизация по странам также отсутствует (Итоги деятельности, 2020). По нашему мнению, это не отвечает заявленным целям интеграции, т.к. не позволяет ни поставить конкретных целей, ни, соответственно, осуществить мониторинг эффективности проводимой культурной политики.

Между тем работа в этом направлении могла бы увеличить потенциал «мягкой силы» России и способствовать межэтническим интеграционным процессам.

При этом следует отметить, что интеграционные механизмы здесь всё же используются. В этом качестве выступает целый ряд организаций: Фонд «Русский мир», «Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом», «Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)» и др. Данные организации нацелены на распространение русского языка и защиту прав соотечественников в странах Каспийского региона.

Между тем в деятельности МИД и общественных организаций в качестве основной проходит линия на возвращение соотечественников в Россию. Это видно из информационного контента официальных сайтов указанных организаций: называются чёткие цифры о репатриантах (годовые отчёты МИД РФ) и содержится подробная информация об эффективности «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность, 2021; Мониторинг реализации, 2020).

При сравнительном анализе отчётов о проведённых мероприятиях в странах дальнего и ближнего зарубежья выявляется подробное освещение успехов культурной политики в отношении стран дальнего зарубежья и самые общие цифры в отношении вторых постсоветского пространства. Например, эффективность проекта «Русские сезоны» (2019 г.) оценивается в первую очередь по количеству мероприятий, проведённых в Японии, Италии и Германии (здесь количество мероприятий превышает 2000), в то время как в рамках проекта «Дни духовной культуры России в СНГ, Европе, Азии» количество мероприятий составляет только 33 (Итоги деятельности, 2020). При этом в отчёте Министерства культуры РФ даже не конкретизируется, в каких именно странах эти мероприятия проводились.

Таким образом, можно сделать вывод, что русскоязычные общины постсоветского пространства, включая страны Каспийского региона, рассматриваются в культурной политике Правительства России в качестве потенциальных репатриантов. Русские общины дальнего зарубежья представляются агентами влияния Российского государства, и работа с ними планируется на долговременную перспективу.

В странах Каспийского региона приоритетным направлением является сохранение статуса русского языка в качестве lingua franca и его распространение среди представителей других этнических групп посредством культурно-образовательных программ. Так, уже с 2007 г. Фондом «Русский мир» осуществляются программы: «Ассамблеи Русского мира», «Русские центры и Кабинеты Русского мира», «Педагогический форум Русского мира», «Профессор Русского мира», «Студент Русского мира». Русские центры функционируют в Казахстане, Азербайджане, Иране. Кроме того, Фондом «Русский мир» основан интернет-журнал «РусскийМир.Ru». Фонд имеет также собственные порталы «Телеканал “Русский мир”» и «Радио “Русский мир”».

Названные программы и информационные ресурсы призваны противостоять негативным тенденциям препятствия интеграционным процессам в странах Каспийского региона. К ним можно отнести, например, отказ от русского языка в образовании в Туркменистане в 2020 г. (Комментарий Департамента информации и печати, 2020), переход на латинскую графику в 2017-2025 гг. и скандальные «языковые патрули» в Казахстане (Указ Президента Республики Казахстан, 2017).

В сложившихся условиях особенно важными нам представляются любые возможности поддержания соотечественников, проживающих в странах Каспийского региона, и совершенствование уже имеющихся информационных ресурсов для межкультурной интеграции. Одновременно следует признать, что декларируемые цели культурной политики России в регионе ориентированы на возвращение русских в Россию и распространение русского языка с целью привлечения трудовых мигрантов. Парадоксальность ситуации видится нам в том, что правительственный курс на репатриацию русских в постсоветских государствах Каспийского региона неизбежно приводит к уменьшению носителей русского языка и русской культуры, а значит, к сужению социо-гуманитарных интеграционных механизмов и возможностей «мягкой силы» России в Каспийском регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЭФФЕКТИВНОСТЬ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Постсоветские государства в Каспийском регионе на протяжении последних трех десятилетий после распада Советского Союза проводят политику разновекторной международной интеграции.

Азербайджан взял курс на экономическую и до определенной степени политическую (по крайней мере, военно-политическую) интеграцию с Турцией. Казахстан активно включается в проект ЕАЭС, но параллельно проводит политику

экономического сотрудничества с западноевропейскими, американскими, китайскими экономическими консорциумами, научно-исследовательскими и образовательными организациями. В Туркменистане последовательно формируется самый автаркичный и авторитарный режим в постсоветской Центральной Азии, с одновременной ориентацией на турецкий неоимперский проект.

Можно уверенно констатировать, что в таких внешнеполитических условиях возможности русского языка как инструмента гуманитарного, культурного, экономического и военно-политического сотрудничества будут неизбежно сокращаться. Происходит сужение базы носителей языка ввиду неблагоприятных демографических процессов в русской общине и репатриации русскоязычного населения из стран Каспийского региона.

До некоторой степени стремление представителей национальных элит суверенных государств Каспийского региона к включению своих детей в российское образовательное пространство и зависимость экономик этих государств от трудовых мигрантов создает условие для сохранения и расширения сферы использования русского языка за пределами сужающихся русских диаспор.

Обычно государственная политика в отношении собственных диаспор ставит цель препятствовать ассимиляционным процессам. Между тем реализация интеграционного проекта «Русский мир» имеет скорее не стратегически обусловленный характер расширения влияния русской культуры и языка, а является сопутствующим элементом миграционной политики России в Каспийском регионе с целью восполнения демографических потерь внутри страны. Потенциальный ресурс «мягкой силы» России в странах Каспийского региона неуклонно уменьшается за счёт сокращения в них русских общин и проводимой местными властями языковой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенко, А.Н., Аубакирова, Ж.С., Жанбосинова, А.С. (2019). Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, *64*, *4*, 1368-1358.

Ализаде, Г.А. (2019). Особенности государственной диаспоральной политики Российской Федерации. *Государственное и муниципальное управление, Ученые записки*, *2*, 181-184. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-2-181-184

Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества*. Москва: *КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле»*.

Баберовски, Й. (2004). Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828-1914 гг. *Новая имперская история постсоветского пространства.* Казань. Центр исследований национализма и империи, 304-354.

Бадалов, Э.С. (2019). Геоэтнодемографические изменения в структуре городского населения Азербайджана. *Общественная география в меняющемся мире.*

Материалы международной конференции, X научной Ассамблей АРГО (сентябрь, 2019 г.). Казань.

Брубейкер, Р. (2000). «Диаспоры катаклизма» в центральной и восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России). *Диаспоры*, *2*, 8-13.

Васильева, О.В. (2018). Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности. *Каспийский регион: политика, экономика, культура, 4* (57), 200-206.

Вдовин, А.И. (2004). *Русские в XX веке*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС.

Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2020 году (2021). Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва. Получено из https://www.mid.ru/ru/activity/review

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав по республикам СССР. Азербайджанская ССР. Получено из http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=53

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав по республикам СССР. Туркменская ССР. Получено из http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=7

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав по республикам СССР. Туркменская ССР. Получено из http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=7

Гаджиев, А.А. (2017). Русскоязычие как компонент поликультурного образования в Азербайджанской Республике. *Научный диалог, 2*, 235-255.

Герасимова, В.А. (2019). Российские соотечественники за рубежом. *Постсоветские исследования, 2*(1), 904-921.

Декларация «О поддержке российской диаспоры и о покровительстве российских соотечественников», утвержденная постановлением Государственной Думы от 8 декабря 1995 г. № 1476. (1995) Собрание законов РФ, т. 52.

Дмитриева, Е.Л. (2019). Политическая элита Туркменистана в постсоветский период (обзор). *Россия и мусульманский мир, 2* (312), 49-56.

Иванова, В.Н., Сергеева. В.К., (2008) *«Русский мир» и социальные реалии.* Москва: Серебряные нити.

Итоги деятельности Министерства культуры России с 2012 по 2019 годы. Культура в России (2012-2019). *Факты и цифры.* (2020). Получено из https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2019/29.01.20.pdf

Коваленко, В.Д. (2015). «Русский мир» как перспектива для России. *Наука. Образование. Личность*, *3*, 22-126.

Комментарий Департамента информации и печати МИД России относительно закрытия русских классов в ряде школ Ашхабада. (2020). *Министерство иностранных дел Российской Федерации*, Москва, 15.09.20. Получено из https://www.mid.ru/ru/maps/tm//asset_publisher/32J0LjSL2Nmm/content/id/4339569

Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2018–2020 годы. Получено из https://www.mid.ru/activity/compatriots/commission/sset_publisher/ic6G4m61ZGUP/content/id/3208269

Межув, В.М. (2001). «Русская идея» и цивилизационные особенности Русского мира. *Русский мир как цивилизационное пространство.* Москва. ИРАН, 9-49.

Мониторинг реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в I квартале 2020 года (2020). Москва: *Русский век*. Получено из https://ruvek.ru/upload/iblock/5d0/monitoring_Gosprogrammi_Sootechestvenniki_2020_god_I_kvartal.pdf

О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом. Федеральный закон от 24 мая 1999 года. № 99-ФЗ. Получено из https://base.garant.ru/12115694/

О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом. Федеральный закон от 24 мая 1999 года, № 99-ФЗ (ред. от 23 июля 2010 г.). *Российская газета, 164.*

Парамонова, С.П. (2015). Световод «Русского мира» в понимании студентов. *Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований, 1*, 195-204.

Программа работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, на 2015–2017 годы. Получено из http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201411240008

Рафанди-Фаи, Л. (2014). Особенности национальной политики в современном Иране. *Россия и мусульманский мир,1*, 121-129.

Родионов, А.И. (2015). О состоянии и ближайших перспективах русской цивилизации. *ЦИТИСЭ, 1*, 12-29.

Семенова, Г.П. (2013). Русский мир и Православная церковь России. *Научные труды Северо-Западного института управления, 4, 2*(9), 213-224.

Тишков, В.А. (2007). Русский мир: смыслы и стратегии. *Стратегия России, 7*, 5-15.

Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 года № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику». *Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».* Получено из https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000569

Уставщикова, С.В. (2019). Демографические аспекты развития населения и урбанизации в Туркменистане. *Известия Саратовского ун-та. Серия Науки о Земле, 19, 4*, 262-264. https://doi.org/10.18500/1819-7663-2019-19-4-262-266

Федотова, В.Г. (2001). Как Русский мир стал известен миру в целом: прецедентные феномены российской культуры. *Русский мир как цивилизационное пространство.* Москва. ИРАН, 219-246.

Хобсбаум, Э. (1998). *Нации и национализм с 1780 г.* СПб.: Алетейя.

Шеффер, Г. (2003). Диаспоры в мировой политике. *Диаспоры*, *1*, 162-185.
Щедровицкий, П.Г., (2000). Русский мир. Возможные цели самоопределения. *Независимая газета, 25*, 11.
Brubaker, R. (2000). *Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past and present*. Wien.

Для цитирования: Бедаев, А.И., Михайлова, Е.А., Тихонова, В.Л. (2021). Русские общины в интеграционных механизмах Каспийского региона. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, *1*(4), 28-43.

DOI 10.54398/2713024X_2021_1_4_27

REFERENCES

Alekseenko, A.N., Aubakirova, Zh.S. & Zhanbosinova, A.S. (2019). Ethno-demographic evolution and the formation of a sovereign demographic system in Kazakhstan. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, *64*, *4*, 1368-1358. (In Russian)
Alizade, G.A. (2019). Features of the state diaspora policy of the Russian Federation. *State and municipal administration, Scientific notes*, *2*, 181-184. (In Russian)
Anderson, B. (2001). Imaginary communities. Moscow: CANON-press-C, «Kuchkovo Pole». (In Russian)
Baberowski, J. (2004). Civilization mission and nationalism in the Transcaucasus: 1828-1914/*New imperial history of the post-Soviet space*. Kazan. Center for Research on Nationalism and Empire, 304-354. (In Russian)
Badalov, E.S. (2019). Geo-ethno-demographic changes in the structure of the urban population of Azerbaijan. Social geography in a changing world. Materials of the international conference, *X Scientific Assemblies of ARGO (September, 2019)*. Kazan. (In Russian)
Brubaker, R. (2000 A). «Diasporas of Cataclysm» in Central and Eastern Europe and Their Relations with Homelands (on the Example of Weimar Germany and Post-Soviet Russia). *Diaspora*, *2*, 8-13. (In Russian)
Vasilieva, O. V. (2018). Political elites of Turkmenistan and problems of national identity. *Caspian region: politics, economics, culture*, 4 (57), pp. 200-206. (In Russian)
Vdovin, A.I. (2004). Russians in the XX century, *OLMA-PRESS*, Moscow. (In Russian)
Foreign policy and diplomatic activity of the Russian Federation in 2020 (2021). Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow. Retrieved from https://www.mid.ru/ru/activity/review (In Russian)
All-Union Population Census of 1939. National composition of the republics of the USSR. Azerbaijan USSR. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=53 (In Russian)

All-Union Population Census of 1939. National composition of the republics of the USSR. Turkmen USSR. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=7 (In Russian)

1989 All-Union Population Census. National composition of the republics of the USSR. Turkmen USSR. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=7 (In Russian)

Hajiyev, A. A. (2017). Russian-speaking as a component of multicultural education in the Republic of Azerbaijan. *Scientific Dialogue*, *2*, 235-255 (In Russian)

Gerasimova, V.A. (2019). Russian compatriots abroad. *Post-Soviet Studies*, *2*, *1*, 904-921 (In Russian)

Declaration «On the support of the Russian diaspora and on the patronage of Russian compatriots», approved by the State Duma Resolution No. 1476 of December 8, 1995. (1995). *Collected Laws of the Russian Federation*, vol. 52. (In Russian)

Dmitrieva, E.L. (2019). Political elite of Turkmenistan in the post-Soviet period (overview). *Russia and the Moslem World, 2* (312), 49-56. (In Russian)

Ivanova, V.N., Sergeeva. VK, (2008). *«Russian World» and social realities*. Moscow. (In Russian)

Results of the activities of the Ministry of Culture of Russia from 2012 to 2019. Culture in Russia (2012-2019). Facts and figures. (2020). Retrieved from https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2019/29.01.20.pdf (In Russian)

Kovalenko, V.D. (2015). «Russian World» as a perspective for Russia. *The science. Education. Personality*, *3*, 22-126. (In Russian)

Commentary by the Department of Information and Press of the Russian Foreign Ministry regarding the closure of Russian classes in a number of schools in Ashgabat. (2020). *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, Moscow, 15.09.20. Retrieved from https://www.mid.ru/ru/maps/tm//asset_publisher/32J0LjSL2Nmm/content/id/4339569 (In Russian)

A comprehensive plan of the main measures for the implementation of the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots living abroad for 2018-2020. Retrieved from https://www.mid.ru/activity/compatriots/commission/-/asset_publisher/ic6G4m61ZGUP/content/id/3208269 (In Russian)

Mezhuv, V.M. (2001). «Russian idea» and the civilizational features of the Russian world. *Russian world as a civilizational space*. Moscow. IRAN, 9-49. (in Russian)

Monitoring the implementation of the state program to assist the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad, in the territories of settlement of the constituent entities of the Russian Federation in the first quarter of 2020 (2020). Moscow. *Russian century*. Retrieved from https://ruvek.ru/upload/iblock/5d0/monitoring_Gosprogrammi_Sootechestvenniki_2020_god_I_kvartal.pdf (In Russian)

On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad. *Federal Law of May 24, 1999*, No. 99-FZ. Retrieved from https://base.garant.ru/12115694/ (in Russian)

On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad. Federal Law of May 24, 1999, No. 99-FZ (as amended on July 23, 2010). *Rossiyskaya Gazeta*, *164*. (In Russian)

Paramonova, S.P. (2015). Light guide «Russian World» in the understanding of students. *Modern society: questions of theory, methodology, methods of social research*, *1*, 195-204. (In Russian)

Program of work with compatriots living abroad for 2015-2017. Official Internet portal of legal information. Retrieved from http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201411240008 (In Russian)

Rafandi-Fai, L. (2014). Features of national policy in modern Iran. *Russia and the Moslem World*, *1*, 121-129. (In Russian)

Rodionov, A.I. (2015). On the state and immediate prospects of Russian civilization. *TSITISE*, *1*, 12-29. (In Russian)

Semenova, G.P. (2013). Russian World and the Orthodox Church of Russia. *Scientific works of the North-West Institute of Management*, *4*, *2* (9), 213-224. (In Russian)

Tishkov, V.A. (2007). Russian World: Meanings and Strategies. *Strategy of Russia*, *7*, 5-15. (In Russian)

Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 26, 2017, No. 569 «On the translation of the Kazakh alphabet from the Cyrillic alphabet to the Latin script». https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000569 (In Russian)

Ustavshchikova, S.V. (2019). Demographic aspects of population development and urbanization in Turkmenistan. *Izvestia of Saratov University. Earth Science Series*, *19*, *4*, 262-264. https://doi.org/10.18500/1819-7663-2019-19-4-262-266 (In Russian)

Fedotova, V.G. (2001). How the Russian World Became Known to the World as a Whole: Precedent Phenomena of Russian Culture. *Russian world as a civilizational space*. Moscow. IRAN, 219-246. (In Russian)

Hobsbawm, E. (1998). *Nations and Nationalism since 1780.* St. Petersburg: Aletheia. (In Russian)

Schaeffer, G. (2003). Diasporas in world politics. *Diaspora*, *1*, 162-185. (In Russian)

Shchedrovitsky, P.G., (2000). Russkiy Mir. Possible goals of self-determination. *Nezavisimaya Gazeta*, *25*. (In Russian)

Brubaker, R. (2000). *Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past and present*. Wien.

For citation: Bedaev, A.I., Mikhailova, E.A. & Tikhonova, V.L. (2021). Russian Communities in the Integration Mechanisms of the Caspian Region. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, *1*(4), 28-43.

DOI 10.54398/2713024X_2021_1_4_27